

О. Мамиконян

М. Налбандян и общественные течения среди армян в 50—60-х годах прошлого столетия

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) В. И. Ленин писал: «Есть две нации в каждой современной нации—скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»¹.

Эта оценка В. И. Ленина полностью относится и к армянской культуре, в истории которой самой крупной и светлой фигурой 60-х годов прошлого столетия является, бесспорно, Микаел Налбандян.

Имя великого армянского революционера-демократа дорого для нас не только потому, что в армянской действительности он являлся представителем и знаменосцем культуры, характеризующейся именем Чернышевского, но и потому, что он был учеником и соратником Чернышевского. Будучи глубоко убежден в том, что освобождение армянского народа тесно связано с революционной борьбой русского народа, что свободу армянскому народу может принести лишь русский народ, одержавший победу в демократической революции, Налбандян посвятил свою недолгую жизнь делу победы этой революции.

Жизнь и общественно-политическая революционная деятельность Микаела Налбандяна совпали с периодом в истории России, когда крепостной строй переживал глубокий кризис и начинался могучий подъем революционных движений.

«Весь ход экономического развития,—писал товарищ Сталин,—толкнул к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»².

В борьбе за ликвидацию крепостного права все отчетливее выделялись два направления, две тенденции: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 5, изд. 1951 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

Либералы, как отметил Ленин, хотели «освободить» Россию «сверху», оставив в целости как царское самодержавие, так и собственность и власть помещиков. С одной стороны они не могли примириться с крепостничеством, а с другой—боялись революции. Поэтому «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»¹.

За иной путь развития России боролось крестьянство. Оно стремилось к полному освобождению от гнета и власти помещиков, добивалось земли без всякого выкупа, освобождения вместе с землей. В частности, в 1859—1861 гг. в России назревала, по выражению Ленина, «революционная ситуация». «Оживление демократического движения в Европе,— писал Ленин,—польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, учившего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян—мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной»².

«Великой реформе» крестьянство ответило восстаниями и «бунтами». В 1861 году было зарегистрировано 784 случая крестьянских волнений, причем 499 из них было подавлено правительством силой оружия. В 1862 году из 388 случаев волнений 298 было подавлено опять-таки силой оружия. Эти события показывают, что ликвидация крепостного права, как отмечал Ленин, встряхнула весь народ, разбудила его от вековой спячки, научила его самому искать выходы, самому вести борьбу за полное освобождение.

Крестьянские волнения способствовали общему подъему оппозиционных настроений. Не только в Петербурге, но и на окраинах России возникла революционные кружки и организации, создавались подпольные типографии, распространялись прокламации, направленные против царизма. Революционно настроенная общественность была глубоко убеждена в том, что Россия переживает канун крестьянских революций.

В чем выразалось отношение М. Налбандяна к этим революционным движениям? В самом активном и непосредственном участии в них. Но

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

² Там же, т. 5, стр. 26—27.

прежде чем перейти к изложению этих страниц жизни и деятельности Налбандяна необходимо выяснить вопрос о том, в какой форме отразились отмеченные выше события в армянской действительности.

Уже в то время армянская действительность не была отрезана от России непроходимым средостением. Прошло около 30 лет со дня присоединения к Российской империи Восточной Армении, ставшей одной из ее окраин. События в России не могли, естественно, не получить своего отражения на ее окраинах, в том числе в Восточной Армении.

Присоединение Восточной Армении к России имело крупное историческое значение для армянского народа. Вовсе не случайно, что в своем романе «Раны Армении» великий армянский просветитель и демократ Хачатур Абовян приветствует «тот час», когда «благословенная нога русского вступила в светлую страну армян и согнала проклятый злой дух перса из нашей земли».

Речь шла прежде всего о том, что Восточная Армения раз и навсегда освободилась от векового ярма персидской тирании, часть армянского народа избавилась от грозной опасности физического истребления. «Девушек уводили, парней уводили, зачастую принуждали к вероотступничеству, часто снимали голову, жгли, замучивали. Ни дом его, ни скот, ни товар, ни его жизнь, ни семья не принадлежали ему»,—писал Абовян в том же романе.

Перешедшая под власть России часть армянского народа стала на иной путь развития. Персия и Турция, стоявшие, по выражению Маркса, на самой низшей и варварской ступени феодализма, представляли своими ханствами и пашалыками картину полной анархии. В Восточной Армении, перешедшей под власть России, был положен конец феодальной раздробленности, создавалась целостная территория, которая стала надежным местом обитания армянского народа.

Россия, ставшая к тому времени на путь капиталистического развития, была, по сравнению с Персией и Турцией, более развитой страной в экономическом и культурном отношении. Присоединение Восточной Армении к России способствовало подъему экономической и культурной жизни армянского народа, дало ему возможность установить тесную связь с великим русским народом, присоединиться к его революционной борьбе, приобщиться к передовой русской культуре. Известно, что в 1851 году Энгельс, в письме своем к Марксу, писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹.

Присоединение Восточной Армении к России тогда было единственно правильным и единственно возможным выходом. Но вместе с тем мы не должны забывать, что оно не являлось окончательным освобождением армянского народа. Такого освобождения он добился лишь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

«Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 413.

Подпав под власть царизма, Восточная Армения фактически превратилась в его колонию. Правительство царской России, этой «тюрьмы народов», как отмечал товарищ Сталин, старалось убить среди подвластных царизму народов, следовательно и армян, «зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их»¹.

В 30—40-х годах прошлого века царское самодержавие было озабочено, главным образом, вопросом о создании как в Закавказье, так и в Восточной Армении соответствующей социальной опоры для себя, а также организацией центрального колониального управления. Все мероприятия царского самодержавия в 40-х годах преследовали одну главную цель: укрепить позицию помещиков-землевладельцев, феодально-крепостнические отношения.

Такую цель преследовал, в частности, закон от 6 декабря 1846 года, который предоставлял закавказским ханам, бекам, агаларам, меликам права помещиков, признав их наследственными собственниками земли. В силу законов от 27 апреля и 28 декабря 1847 года, а также закона от 8 июня 1851 года, те же ханы, беки и мелики еще более укрепили свои позиции, узаконили право собственности на земли, захваченные ими различными путями в годы войны, тем самым поставив в зависимое положение проживавших на их землях крестьян и большое количество переселенцев-беженцев. Те же законы обязывали проживавших на помещичьих землях крестьян платить помещику «мульк»—арендную плату за занимаемую ими землю, обрабатывать своим тяглом и орудиями его землю, собирать для помещика его урожай, платить ему денежный налог с садов и огородов и пр. Помимо этого, был установлен порядок, по которому вся сельская община обязывалась работать в определенные дни в хозяйстве помещика, проводить дороги, чистить оросительные каналы и т. д.

Таким образом, аграрный вопрос был разрешен царским правительством в пользу помещиков, которые, используя свои экономические и административные позиции, поставили фактически крестьянство в положение крепостных и полукрепостных.

От светских эксплуататоров не отставали и духовные эксплуататоры Монастыри Эчмиадзинский, Татевский, Санаинский, Севанский и другие также владели поместьями, селами, крепостными.

Жестокая эксплуатация трудящихся крестьян все более усиливалась. Даже такой консервативный орган, как «Цилн Аварайри», писал о тяжелом положении армянского крестьянства: «Крестьяне платят несколько видов налога и по несколько раз в год. Но и эти налоги нас не озабочивают; мы знаем только, что крестьяне платят налоги, влезая в долги и часто продавая урожай на корню тому же заимодавцу (т. е. помещику—О. М.). Нам известно, что многие крепкие молодые люди служат за долги своих отцов тому или иному заимодавцу, и зачастую вся их жизнь проходит на службе у заимодавца. Мы знаем, что сборщики налогов из-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 24.

бывают мужа на глазах у его жены, отца—в присутствии его сына, жениха—при его невесте, вызывая у них слезы; знаем, что крестьяне не только вносят тяжелые налоги, но и очень часто вынуждены, бросив свои полевые работы, по приказу уездных начальников и губернаторов, ремонтировать почтовые тракты, работать на оросительных каналах и мостах, перевозить на своих волах бревна и дрова из дальних лесов»¹.

Эта двойная эксплуатация не могла не вызвать сопротивления.

Если в первый период борьба крестьянства была направлена главным образом против местных помещиков, и крестьяне наивно думали, что они могут найти защиту у царского правительства, то с конца 30-х годов картина изменилась. Для крестьянских движений и волнений, начиная с указанного периода, становится характерным то, что острее их направляется не только против «отечественных» помещиков-крепостников, духовных и светских, но и против царского самодержавия. Такой именно характер носило восстание жителей 30 сел Севанского бассейна в 1837 году. Характерно то, что крестьяне избивали и изгоняли меликов, старост, представителей, посланных уездными начальниками. «Мы не желаем иметь меликов, старост и уездного начальника»,—говорили они.

Сильно обеспокоенный бунтом «свирепой толпы», начальник Армянской области генерал Бебутов попытался вмешаться в это дело и покончить его мирным путем, но не добился никаких результатов: крестьяне отказывались от уплаты налогов.

Эти первые крестьянские «беспорядки» причинили не мало беспокойств и главноначальствующему в Закавказье барону Розену. В своей докладной записке он отмечал, что яростная толпа искала повода к беспорядкам и была готова поднять открытый бунт. По распоряжению того же Розена в Севанский бассейн была направлена воинская часть с двумя пушками, и сопротивление крестьян было подавлено силою оружия.

В 40—50 годах еще более усилилось недовольство крестьян местными помещиками и защитником их интересов царским правительством. В Эчмиадзинском, Лорийском, Зангибасарском и Ереванском районах вспыхнули крестьянские волнения, свидетельствовавшие о том, что борьба крестьянства за землю и свободу, расширяясь, принимает все более упорный и длительный характер.

При таких условиях, среди крестьянства, поставленного в крепостную и полукрепостную зависимость, не могла не назреть постепенно мысль об уничтожении помещичьей собственности и свержении власти помещиков.

«Эти революционные мысли,—говорит Ленин,—не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и

¹ Журнал «Цили Аварайри», 1866, стр. 256.

понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»¹.

В армянской действительности революционную демократию возглавлял Микаел Налбандян, который выражал настроения и интересы крепостного и полукрепостного армянского крестьянства, борющегося за землю и свободу. Он, как и его учитель Чернышевский, отлично понимал все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь крепостнический характер ее. Таким образом, центральный вопрос эпохи—ликвидация феодально-крепостнического строя—в 50—60-х годах стал основным вопросом и для Закавказья, в частности для Армении. Но тут выдвигался и другой вопрос: деятельность Налбандяна совпала по времени с тем периодом, когда начался процесс формирования армян как нации. Поэтому, наряду с центральным вопросом о ликвидации феодально-крепостнических порядков, армянскую общественную мысль волновала еще одна важная проблема—дело освобождения армянского народа.

В основе борьбы главных течений в армянской общественности 50—60-х годов стояли в конечном счете указанные выше два вопроса. В этом не трудно убедиться при более близком ознакомлении с борьбой, развернувшейся в 60-х годах прошлого века вокруг личности и революционной деятельности Налбандяна. Как бы предугадывая возникновение этой борьбы, Налбандян писал: «Будущие поколения оценят наши слова и оправдают нашу личность; неважно, что тогда мы будем покоиться под землей в вечном сне».

Фактически борьба началась еще при жизни Налбандяна, но более отчетливо проявилась она в связи с его заключением в тюрьму, ссылкой и смертью.

Арест и смерть Налбандяна явились тяжелым ударом для армянской революционной демократии. Царские сатрапы пытались арестом Чернышевского обезглавить русское революционно-демократическое движение, а арестом его ученика и соратника—армянскую революционно-демократическую мысль, которая связывала освобождение армянского народа с победой грядущей русской демократической революции. И вполне понятно то тяжелое впечатление, которое произвело сообщение об аресте Налбандяна как в русских, так и в широких армянских демократических кругах.

В аресте своего «восточного друга» Герцен винил Бакунина, считая Налбандяна жертвой его (Бакунина) беспечности и его болтовни². Такого же мнения была и Тучкова-Огарева, которая в своих «Воспоминаниях»³ отмечала, что Налбандян пострадал из-за неосторожности Бакунина.

Повидимому, и сам Бакунин сознавал, что Налбандян стал жертвой его неосторожности. Это видно из письма Бакунина к И. С. Тургеневу,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

² А. И. Герцен, Полн. собр. сочинений и писем, т. XVI, 1920, стр. 192.

³ А. Н. Тучкова-Огарева, Воспоминания, 1929, стр. 314.

написанного в октябре 1862 года. «А что Налбандов—ради бога, поспрайтесь узнать о его участии,—писал он. Слышно также, что и маркиза посадили за один мой поклон ему к Наталии... Впрочем за маркиза я не боюсь, он невинен как дитя... у него (у Налбандяна—О. М.) нет связей, и он слаб грудью, а крепость для грудных болезней не хороша. Узнай, что только можно узнать и уведоми меня»¹. В другом своем письме к Тургеневу Бакунин пишет: «Другая моя забота—Налбандов; говорят, что он был в Петропавловской крепости, а теперь пропал, никто не знает куда. Узнай, Тургенев»².

Слух об аресте Налбандяна вызвал огромное возмущение также в армянских демократических кругах. Демократическая печать, в частности, «Мегу» Свачяна, отражая возмущение армянской демократии, писала, что Налбандян стал жертвой инсинуации архиепископа Айвазовского. «Три года тому назад Айвазовский оклеветал г. Налбандяна перед чиновником министерства внутренних дел России, как атеиста, безнравственного человека, бунтаря и возмутителя народа»³.

Разоблачая распространявшуюся тем же Айвазовским гнусную клевету о том, что Налбандян был арестован «как один из руководящих членов тайной компании, печатавшей фальшивые ассигнации», «Мегу» пишет: «Наше сердце, сердца всех друзей г. Налбандянца и даже его врагов свидетельствуют, что эта прекрасная личность рождена не для участия в таких грязных действиях; его руки созданы не для совершения такого позорного преступления, мы готовы поклясться за это...»⁴

«Мегу» подчеркивал, что единственная «вина» Налбандяна заключается «в его крайнем и пылом свободолюбии и правдолюбии». «Да, г. Налбандянец виновен перед привилегированными людьми, которые стараются вечно держать человечество в оковах рабства, убожества и невежества, но не перед человечеством...»⁵ И если за такую вину «Налбандянец будет судим и осужден, его невинная кровь будет звать к мести всех истинных армян, любящих свою нацию, и с того момента, скажем открыто, русское правительство понесет величайшие потери за его гибель»⁶.

Если в демократических кругах арест Налбандяна вызвал глубокое возмущение, то в логове армянской клерикально-феодальной реакции царил настоящий праздник. Виднейшие представители этой реакции Айвазовский и Халибян обменивались поздравительными телеграммами, устраивались торжественные обеды. Газарос Агаян, который находился в это время в Феодосии, в своих воспоминаниях пишет: «Единственный человек, который вызывал у них (Айвазовского и других) злобу, срочно задержан, как раз, когда мы были там. Их ликование не было границ. Нужно было видеть, как они обрадовались, когда от Халибяна они полу-

¹ Мих. Лемке, Очерки освободительного движения „шестидесятых годов“, стр. 170. С. Петербург, 1908.

² Там же.

³ „Мегу“, 1862, № 179.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

чили телеграмму о том, что «наш враг пойман». Айвазовский поторопился передать свой восторг также своим друзьям в Константинополе. Его письмо, как сообщал «Мегу», архимандрит Хорен «читал перед своими сердечными друзьями с душевной радостью и веселым настроением»¹.

Что же касается армянских либералов, то занятая ими в этом вопросе позиция вполне сходилась с позицией русских либералов.

В своей статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» В. И. Ленин приводит письмо К. Д. Кавелина, написанное им Герцену 6 августа 1862 года. «...Вести из России, на мой взгляд, не так плохи,— пишет Кавелин.—Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подлом Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого *brouillon*» (задир, сварливого, неуживчивого человека, сеющего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно-таки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению»².

Приведя эту выдержку, Ленин пишет: «Вот образчик профессорско-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, справлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти»³.

Таким «*brouillon*»-ом был Налбандян для Назаряна. Он также отзывался о Налбандяне в таких выражениях, как «наш любимец»; он «звысоко ценит» его «талант»; но Назарян, как и Кавелин, полагает, что правительство должно поступить с Налбандяном так, как поступают с политическими преступниками.

Осуждая революционную деятельность М. Налбандяна и считая, что он страдает «глупым самомнением и эгоистическим высокомерием», Назарян писал: «Такие герои сами не в состоянии помочь себе, куда им до оказания помощи своей бедной нации. Своей дерзостью и безрассудностью они делают себя смешными перед своими врагами, так как собственными же руками они роют яму для себя и болью разбивают сердца своих близких»⁴. В том же письме к Саядновичу Назарян дает следующую оценку деятельности Налбандяна: «Армяне,

¹ Г. Агаян, Важнейшие события в моей жизни, стр. 32.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 29—30.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Журнал „Лума“, сентябрь 1901 г., стр. 456.

вместо того, чтобы двинуться вперед, идут назад, или же по-азиатски, или глупо, сделав один шаг вперед, они хотят сейчас же взлететь к небу, звезды хватать, но стремительно низвергаются на землю, следовательно, идут назад. Не могу одобрить такое странное поведение. Быть смелым и дерзновенным в действиях и умереть мученической смертью за свою нацию— дело прекрасное, но встать против 70 миллионов, стать бессмысленной жертвой—это противно мне. Ни наша нация, ни 70 миллионов не поблагодарят героя за такое безрассудное и дерзкое геройство. Из моего письма Вы поймете, что дело не имеет никакого отношения к нашей нации и ее пользе, а является лишь воздушной мечтой о подвиге бунта и восстания... в толпе—толпе другой нации»¹.

Позиция Назаряна весьма ясно сформулирована в его письме от 23 октября, адресованном Гр. Салтикяну. Похороны Налбандяна в Новом Нахичеване приняли такой торжественный характер, что вызвали беспокойство царских полицейских органов. По этому поводу в приведенном выше письме Назарян пишет: «На вопрос властей о том, почему нахичеванские армяне с такой почетной торжественностью приняли и похоронили тело покойного Налбандяна, я думаю, нахичеванцы могли бы легко дать, в соответствии с истиной, такой ответ: благодаря утомительной работе покойного Налбандяна, в Калькуте было получено и перевезено серебра на большую сумму для города Нахичевани, который, в знак признательности к Налбандяну, оказал ему последние почести. Но Налбандян был политическим преступником, за что и правительство наказало его, и армяне, как верные подданные государства, никогда не оправдывают его, как политического преступника. Я уверен, что таково же мнение большинства населения Нахичевани, иначе и быть не может»².

Не трудно заметить, что указанные выше письма и подчеркнутые нами слова написаны точь-в-точь в духе кавелинского письма, и оценка, данная Лениным русскому либеральному профессору, целиком относится также к либеральному доктору восточной словесности Назаряну.

На первый взгляд можно было бы думать, что в связи с личностью и деятельностью Налбандяна в дни его ареста наметились три течения: демократическое, клерикально-феодалное и либеральное. На самом же деле либералы и лидеры клерикально-феодалного течения в отношении Налбандяна заняли одинаковую позицию.

Сколько бы ни пытался Назарян уверять, подобно Кавелину, в своей любви к Налбандяну, все же в оценке революционной деятельности Налбандяна он оказался в одном лагере с Айвазовским, Мсеряном, Чамурджяном и Халибьяном. Они единым фронтом, общими силами осуждали Налбандяна, считая его революционную деятельность «высокомерием», а план поднятия «глупой толпы» на восстание—«воздушной мечтой», которая «не имеет никакого отношения» к армянскому народу.

И это не было случайностью.

¹ Журнал „Лума“, сентябрь 1901 г., стр. 456.

² Подчеркнуто нами—О. М.

Какие бы разногласия ни существовали между армянскими либералами и клерикально-феодальным течением, их все же объединял один коренной, основной вопрос. Подобно русским крепостникам и либералам, армянские либералы и представители клерикально-феодального течения отстаивали незыблемость царизма, помещичью власть и с возмущением отвергали всякую революционную мысль о свержении этой власти.

Яркими защитниками существовавших феодально-крепостнических порядков были представители клерикально-феодального реакционного течения; они выражали интересы армянского дворянства и духовенства и составляли единый фронт с другой надежной опорой царизма в армянской действительности—помещичье-купеческим сословием.

Одним из заклятых врагов М. Налбандяна был главарь клерикально-феодального реакционного течения архимандрит Айвазовский. В Западной Армении другим непримиримым противником М. Налбандяна был вожак того же течения, редактор «Еревака» Ованес Тер-Карпетян, он же Тероенц Чамурджян Прусаци. У Айвазовского были свои соратники, среди которых можно отметить редактора архиреакционного «Джраках»-а Мсера Мсерянца, редактора «Мегу Айастани» Мадиняна, литературных идеологов армянского обскурантизма Овсеп Черкезяна, Акопа Кариняна, архиепископа Саркиса Джалаляна и др. Это течение пользовалось горячей поддержкой барского сословия, типичным представителем которого являлся ярый противник Налбандяна—крупный нахичеванский помещик и купец Арутюн ага Халибян.

До развертывания своей реакционно-шпионской деятельности в армянской действительности Г. Айвазовский обучался в одном из очагов армянской клерикально-феодальной реакции—у мхитаристов. Пробыв у них 17 лет, в 1848 году он был направлен мхитаристами в Париж, на должность директора и воспитателя в Мурадянском училище. Не случайно было дано архимандриту такое назначение: в период революции 1848 года и в последующие годы реакции предметом главной заботы Мурадянского католического училища являлся вопрос об охране учеников от влияния социалистических идей, и Айвазовский вполне оправдал все надежды армянской реакции, связанные с его педагогической деятельностью.

В 1855 году Айвазовский, приняв армяно-грегорянское вероисповедание, основывает новое училище и вместе с А. Галфаяном, изменившим свое вероисповедание одновременно с Айвазовским, начинает издавать газету «Месяц агавни», которая, вместе с «Ереваком» Чамурджяна, стала главным органом клерикально-реакционного течения.

Трудно сказать, кому принадлежала инициатива в переезде Айвазовского в Россию—органам царской разведки или ему самому. Во всяком случае он впоследствии рассказывал, что вначале сам вел переговоры с русским послом в Париже, высказав желание продолжать свою «просветительную деятельность» в России, под покровительством русского царя. По требованию посла Айвазовский представил ему свою программу, и не прошло два месяца, как русский посол в Париже Киселев сооб-

шил архимандриту, что его «предложение через министра иностранных дел удостоилось внимания и полного одобрения государя императора»¹.

В 1857 году Айвазовский спешит в Россию и его первая встреча происходит с министром внутренних дел Ланским. Приняв архимандрита «ласково и любезно», Ланский говорит: «Государь император соблаговолил, чтобы вы стали начальником Нахичеванской и Бессарабской армянской епархии, вместо архиепископа Маттеоса... Правительство надеется, что благодаря такому распоряжению вам будет легче основать и управлять национальным училищем, программу которого государь одобрил... С этого момента департамент обеспечит вам свою защиту и окажет вам всякого рода помощь и содействие»².

В дополнение к этой любвеобильной заботе министерства внутренних дел, согласно Положению «национального училища», составленному и утвержденному органами того же министерства, училище должно было находиться под непосредственным контролем министерства внутренних дел, а не министерства просвещения. При училище намечалось открыть типографию; газета «Месяц агавни» должна была издаваться «на армянском, французском и русском языках»³, причем и редактором и цензором газеты был назначен сам Айвазовский.

«Подозрительное отношение» и «недоверие», проявленные армянскими прогрессивными кругами к вновь открытому «национальному училищу», Айвазовский пытался объяснить тем, что многим не были известны «святость цели и направление» этого учреждения⁴. Между тем, в действительности, если не очень много, то во всяком случае не мало было людей, которые великолепно знали цель и направление Халибовского училища. К числу таких людей принадлежал, например, близкий друг и соратник Налбандяна Анания Султаншах, который великолепно изобразил цель и направление Халибовского училища в своей комедии «Просветители армянского народа».

«Забивают голову всякой пакостью,—говорит один из положительных персонажей комедии,—пустячным барским резонерством, калечат всякую способность и стремление к благородному и человеческому, с корнем вырывают твои человеческие права и готовят из тебя раба, бессловесного животного, набивают тебе голову допотопными знаниями и если им удастся заставить тебя отречься от твоей человечности, тогда они рукоплещут: вот, мол, мы просветили темный ум, спасли погибшую душу...»⁵

Центральным героем комедии является Димайлкянц. Современникам не трудно было разгадать, что речь шла об Айвазовском. И вот, этот

¹ Архиепископ Габриэл Айвазян. История Халибовского училища армянского народа. Тифлис, 1889, стр. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ «Юсисапайл», октябрь 1858 г., стр. 278.

директор училища считает нужным воспитывать питомцев так, чтобы они могли «постоянно гнуть шею перед старшим и если тот огульно обвинит их в чем-либо, они пали бы перед ним ниц и просили прощения; все это—важные нравственные навыки; ученики своевременно научатся склонить шею перед старшими...»

Основной принцип Димайкянца-Айвазовского—воспитать ученика так, чтобы он не мог думать и рассуждать, «так как рассуждение и мышление приносят зло, и мальчику неподобаает думать, ибо результатом мышления является решение, которого не должно быть у детей, чтобы они не научились дерзости... Мышление придает смелость возражать старшим...»

Но Димайкянца больше всего страшат непокорность, неподчинение старшим, бунтарской дух, революция. Он считает причиной французской буржуазной революции не что иное, как «непокорность перед старшими и строптивость».

Ученики воспитываются как профессиональные шпионы; в качестве необходимой практики для будущей шпионской деятельности в школе применяется следующий метод: все ученики обязаны следить за каждым шагом своего товарища и давать необходимые сведения старшим. «Это благородное и высокое стремление,—объясняет Димайкянц-Айвазовский,—разве вы захотите, чтобы из моей школы вышли бунтари, вольтеры, лютеры... боже упаси! Из-за чего возникли восстания, если не из-за сообществ: реформация, гугеноты, якобинцы... Ученики, будучи обязаны сообщать мне вину других, несомненно, потеряют взаимное доверие, будут с подозрением относиться друг к другу, исчезнет товарищеский дух, поэтому не будет опасности бунта».

Димайкянц страшится сообществ, которые, по его мнению, «много принесли вреда царям». Логическим продолжением организации сообщества являются тайные собрания. «Вольтеры нуждаются в тайных собраниях, чтобы передать друг другу свои адские и преступные идеи, чтобы жертвою сатаны стали, помимо них, также и другие... Ах, где ты, инквизиция? Почему ты бросила нас на произвол судьбы и исчезла?.. Эти вольтеры заедают нас живьем!..»

Айвазовский напрасно жаловался, что многим неизвестны цель и направление основанного им училища. Оно представляло собой учреждение для воспитания рабов, где должны были готовиться не только покорные царю кадры, но и профессиональные шпионы для работы в самой России и в местностях со значительным армянским населением. Недаром один из положительных персонажей комедии задает вопрос: «какое имеет отношение полиция к делу воспитания?»

Вся дальнейшая деятельность Айвазовского показала, что он являлся профессиональным шпионом, завербованным царскими органами в Париже.

С первых же дней своего возвращения в Россию Айвазовский приступил к бешеной литературной пропаганде в пользу феодально-крепостнических порядков и царского режима.

Вообще следует заметить, что ввоздем борьбы клерикально-феодаль-

ного, реакционного течения являлась защита феодально-крепостнических устоев и царского самодержавия. «Настало время знать свою меру, свою честь, свое достоинство,—писал Айвазовский.—Не к этому ли обязывает нас словом и делом русское благословенное государство, когда оно жалует нам всякие средства, возможности и привилегии для сохранения нашего национального языка и религии, всех прекрасных качеств»¹.

Обливая помоями тех, кто был недоволен существовавшими порядками, архимандрит осуждал людей, возбуждающих распри и разлад «среди чации», призывал ее к солидарности, единству и предостерегал от «порока пагубной для нации зависти», порождающей мысли о том, что якобы «все люди равны и должны быть равны друг с другом—не только в отношении божественных и человеческих прав, но и умом, честью, положением, богатством». Таким «заблуждениям» Айвазовский противопоставлял следующее положение: «Человек обязан радоваться достоинству другого так, как если бы это было его достоинством».

Айвазовский больше всего страшился революции, гражданской войны, поэтому он много кричал о «единстве нации», о «солидарности»; он был убежден, что самое пагубное для «нации» это—гражданская война. «Если,—писал он,—гражданская война станет национальной, т. е. каждый дом, каждая улица, люди одной и той же нации будут драться и воевать друг с другом, напрасно будет пролита кровь, и часто не победит ни та, ни другая сторона; такая война, конечно, осудительна...»²

Если Айвазовский призывал к благоразумию и покорности, требовал уважения к старшим, гневно осуждал французскую буржуазную революцию и гражданские войны, то то же самое проповедывал Мсер Мсерян, осуждая восстания в Польше. «Главной причиной восстания,—говорит он,—как сейчас указывают также все европейские газеты... является ни церковь и ни гнет, а та свобода, которую получили поляки от государя императора за последнее время. Если бы они не получили... недавно свободу, если бы они остались в таком же положении, в каком находились лет десять-двадцать тому назад, они бы не восстали и не осмелились поднять оружие, как не подняли его поляки в Австрии и Пруссии, лишенные этой свободы...»³

Здесь ясно и отчетливо изложено враждебное отношение клерикально-феодальной реакции к национально-освободительным движениям. На примере Польши давалось понять, сколько несчастья и зла могла бы принести свобода, если бы она была предоставлена армянам.

Клерикально-феодальная реакция проповедывала верность и покорность не только царскому самодержавию, но и султану. В этом отношении весьма характерно алармистское выступление Александра Таировца—соратника одного из столпов клерикально-феодальной реакции епископа Саркиса Джалаляна—по поводу покушения, совершенного Каракозовым. Осуждая людей, поднявших руку на «благочестивого, благодетельного и

¹ «Месяц агавни», 1860, стр. 92.

² Там же, 1861, стр. 26.

³ «Ампавапер Русно», 1863, № 48.

человекслубивого царя», Таиров «доказывал», что такие «злодеяния» могут «з корне нарушить святость веры, нравственности и посеять свободу, результатом чего явилось бы безбожие». Интересно, что он советует Чамурджяну перевести и поместить в «Ереваке» царский указ о защите религии, чтобы западные армяне остерегались подобных поступков. «Нужно открыть глаза армянам не только на этот случай; нужно, чтобы они дальновидно знали всю зловредную преступность плевелосеяния среди армян, вредящего не столько будущим поколениям, сколько своему государству, ибо армяне только в том случае могут быть верными султану, если они сохраняют силу своей веры, и султан по своей обязанности будет попечителем и господином армян, «потребует сохранить святость религии»¹.

Такова была позиция клерикально-феодалного реакционного течения по отношению к феодально-крепостническим порядкам, царизму и султанизму, к национально-освободительному движению армянского народа. Многие из руководителей этого течения были, подобно Айвазовскому, профессиональными шпионами, связанными с царскими и султанскими органами разведки.

«Такой человек,—писал об Айвазовском Г. Агаян в своих воспоминаниях,—став во главе народа, поведет его к доисторическим темным векам. Это они превращают людей в обезьян, а не те, кто говорит, что человек произошел от обезьяны».

Таков был облик также другого главаря клерикально-феодалной реакции—Чамурджяна. Он в своей работе «Критика письма М. М. Айвагяна об управлении христианской церкви»², направленной против Налбандяна и его единомышленников, стоял на тех же позициях, что и Айвазовский. Чамурджян тоже был связан с одной стороны с султанскими, а с другой—с царскими органами разведки и писал в шпионских целях статьи о Налбандяне, привлекая внимание царской агентуры и султанской полиции к революционной деятельности «социалиста», «красного республиканца» и «безбожника». Если ко всему этому добавить и то, что Арутюн ага Халибян также был связан с царскими разведывательными органами, то станет ясным политическое лицо главарей клерикально-феодалного течения, противостоявшего революционно-демократическому направлению, руководителем которого был Налбандян.

Налбандян великолепно знал, с какими противниками имел он дело. «В двух строчках» он писал: «Это приглашение мы делаем г-ну Айвазовскому, когда уже в предыдущие годы мы несколько раз были оклеветаны им перед министром внутренних дел, как атеист, как безнравственный человек, бунтовщик и смутьян. Г-н Айвазовский предлагал светлейшему министру запретить вредную газету «Юсисапайл», а нас подвергнуть тяжелому наказанию, по всей строгости закона. Может быть г. Айвазовский с отеческой заботливостью приготовил нам место жительства в Нер-

¹ «Цили Аварайри», 1866.

² На эту работу Чамурджяна наше внимание обратил т. Г. Степанян.

чинске или Красноярске... сибирские морозы, чтобы немного умерить наш пыл (видимо в интересах сохранения нашего здоровья)»¹.

Если политическое лицо клерикально-феодалного реакционного течения достаточно ясно, то этого нельзя сказать об армянском либерализме 50—60 годов. Несмотря на то, что Налбандян и Назарян представляли две разные исторические тенденции, армянская либерально-буржуазная историография всячески старалась превознести и прославить Назаряна, Налбандяна же обратить в простого его единомышленника и сотрудника.

К сожалению, эта тенденция наблюдается и у некоторых советских историков и литературоведов, которые, тщательно ища «исторически положительные и прогрессивные стороны» в деятельности армянского либерализма, избегают его политической оценки.

Между тем как Чернышевский и русские либералы представляли две исторические тенденции, две силы, точно также Налбандян и либералы. Налбандян и Назарян представляли две исторические тенденции, две силы. Если отбросить все легенды, сочиненные либерально-буржуазной и националистической историографией, то нельзя не заметить, что назаряновский либерализм являлся духовным отцом не только Раффи, Г. Арцруни и их последователей, но и реакционных и контрреволюционных буржуазных партий и течений, которые в конце XIX и в начале XX века всячески пытались изолировать армянский народ и держать его вдали от революционной борьбы русского народа.

Характеризуя русских либералов 50—60-х годов, Ленин писал: «Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»².

Эта ленинская оценка либералов целиком относится и к армянским либералам, в частности, Назаряну. Назарян, как буржуазный идеолог, не мог, конечно, примириться с феодально-крепостническими порядками, но он, подобно русским либералам, боялся также революции, боялся движения масс, движения за свержение самодержавия и уничтожение власти помещиков и считал, что нужно вести только «культурную» работу.

Гвоздем культурной работы, предлагавшейся Назаряном, являлась идея умственного и морального облагораживания армян. Он считал, что осуществление этой идеи должно стать главной задачей армян, так как «целью всего человеческого рода» является «облагораживание человечества»³.

Этой идее «облагораживания» человечества Назарян пытался даже дать теоретическо-философское обоснование. Он писал: «О чем думают наши братья армяне? Не нужно ли больше ничего после удовлетворения

¹ Микаел Налбандян, Полное собрание сочинений, т. III, 1939, стр. 31. Все выдержки приводятся из этого издания.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

³ Ст. Назарян, Соч., т. I, стр. 118—119, Тифлис, 1913.

тем или иным путем своих телесных потребностей? Такую психологию имеет для себя и животное; чем же отличается в таком случае разумное, существо, называемое человеком; где же тогда познавательная душа, посредством которого божество пожелало поставить его выше животных; где же тогда звание сына царства небесного, полученное человеком, если все его усилия и внимание должны остаться прикованными лишь к земному и телесному? В самом деле, стремление к материальным приобретениям законным путем, накоплению земных благ, не изменив своему товарищу и не лишив его,—не осудительно, а похвально, так как забота о телесном является той основой и фундаментом, на котором должна покоиться душа и действовать в этой временной жизни для вечной жизни, но забота о теле есть средство, а не цель; цель заключается в сохранении души, в ее росте, совершенстве. У нас, у армян, это положение перевернуто вверх ногами: средство превратилось в основную цель, а основная цель совершенно упущена из виду»¹.

Эти строки показывают, в какой маске выступал армянский либерализм 50-х годов прошлого столетия.

Весь смысл назаряновской программы заключался в идее «познавательного и нравственного облагораживания» армян, что означало моральное совершенствование вместо революции—плоская идея, заимствованная из арсенала немецкого либерализма.

Отвергая всякую мысль о переделке старых форм жизни революционным путем, Назарян хватается за кантовскую «добрую волю»: назаряновский либерализм не находил выхода ни в чем ином, как в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу, который, по меткой характеристике Энгельса, в конечном счете сводился «к замене пошлого убожества высокопарным убожеством».

Это являлось, конечно, результатом политической слабости армянской либеральной буржуазии и ее страха перед развертывавшимися в России революционными движениями.

Назарян считал, что для осуществления его «культурной» программы необходимо создать армянские школы для мальчиков и девочек, так как лишь при этом условии могут появиться среди нации разумные отцы и матери—воспитательницы, нужно основать благоустроенные типографии, «чтобы легко и как следует довести до нации необходимые книги, для распространения среди нее здоровых суждений и разумных, просвещенных взглядов», открыть соответствующие книжные магазины, «как умственные источники для нации», создать библиотеки, печать, театр и, наконец, все то, что необходимо «для движения вперед, для просвещения армян на човом языке ашхарабар». Вместе с тем церковь должна стать главой и руководителем умственного и нравственного образования, но такая церковь, которая отказывается от сухих, мертвых обрядов, некоторых старых принципов, а духовенство должно стать «приправочной солью».

¹ Ст. Назарян, Соч., т. 1, стр. 118—119, Тифлис, 1913. Подчеркнуто везде нами—О. М.

Все это должно быть осуществлено через благотворительные общества; решающую роль в этом деле должны сыграть католикос и армяне-богачи.

Однако эти мероприятия являются лишь необходимыми «условиями» умственного и нравственного усовершенствования армян. Основная цель выдвинутого Назаряном лозунга: «Обновление под светом евангелия, обновление силой знания»¹ заключалась в том, чтобы возбудить среди армян непреодолимое «стремление к усвоению европейского умственного образования»². В этом, по Назаряну, нет ничего постыдного, так как «армяне, эти отсталые сыны времени, должны своевременно учиться у просвещенных европейских наций; это не постыдно, а, наоборот, делает нам честь»³. Но вопрос этим не исчерпывается. По мнению Назаряна, на армян возложена великая миссия: «усвоить «европейское образование и просвещение и распространять их среди азиатских народов»⁴. Та же мысль Назаряном сформулирована еще следующим образом: Армяне..., являясь главным христианским народом на азиатской земле, имеют прекрасное призвание: воспринять в себе плоды просвещения европейских наций, обработать их... и распространять среди азиатских народов и, таким образом, быть ярким светильником для человечества Азии, маяком среди кромешной тьмы»⁵.

Столь рабское подобострашие перед Европой выступило еще у Назаряна в виде принятия «европейской цивилизации» и передачи ее «азиатскому человечеству», но это уже было шагом на пути к тому, чтобы полностью связать судьбу армянского народа с европейскими буржуазными государствами, с «доброй волей» шакалов европейской дипломатии.

Вовсе не случайно, что эти принципы, выдвинутые Назаряном, в дальнейшем целиком повторяли Григор Арцруни и Раффи. В своем труде «Экономическое положение турецких армян» (1879 г.) Арцруни писал: «Армянин в Азии—европеец и создан для того, чтобы быть посредником европейского просвещения и цивилизации между Европой и Азией». Ту же идею отстаивал Раффи в своем романе «Искры», утверждая, что «армяне способны быть удачливыми посредниками в деле распространения цивилизации просвещенных стран (Европы—О. М.) в Азии».

«Просветительная» программа Назаряна в общем показывает, что мы имеем дело с либеральным культуртрегером немецкого типа, стоящим на позициях «европеизации» армянской жизни, и на этой именно почве он сталкивался с клерикально-феодальным течением.

Что же касается его политической программы, с которой органически связана его «просветительская» программа, то она бросает вполне определенный свет на истинную консервативную, реакционную сущность армянского либерализма.

¹ «Юсисапайл», 1861. № 1.

² Ст. Назарян, Соч., т. 1, стр. 92.

³ Там же, стр. 129.

⁴ Там же, стр. 94.

⁵ Там же, стр. 120.

Подобно русским и немецким либералам, Назарян боялся революции, боялся движения масс, способных к свержению самодержавия и власти помещиков.

В «Руководстве по религии», вышедшей в 1853 году, Назарян со всей решительностью, отвергая всякое движение и мысль, направленные против собственности крепостников, пытается обосновать теоретически эту свою реакционную позицию. «В человеческом обществе,—пишет он,—имеются... господа и слуги; первые могут приказывать последним в силу договора, заключенного между ними добровольно... Но слуги никогда не должны забывать уважения, которое они обязаны оказать своим господам, и это уважение они должны проявлять в безусловном, постоянном повиновении во всем справедливом»¹. И вот, этим обществом, зиждущимся на признании необходимости сосуществования господ и слуг, по мнению Назаряна «...должны управлять по установленным благочестивым законам цари и сановники, которые вместо бога являются рачителями порядка, святости и нравственности»².

Опелчаясь против социализма, Назарян, обращаясь в том же труде к «слугам», наставлял: «Не вступай в компанию со смутьянами и бунтовщиками, плати законный налог и не предавайся опасным бунтовщикам, желающим равенства среди всех людей, словом, будь верным подданным»³.

Сопоставьте эти строчки с приведенной выше выдержкой из Айвазовского и станет ясным, как армянские либералы и представители клерикально-феодалного течения сколачивали объединенный фронт каждый раз, когда дело касалось защиты самих основ феодально-крепостнических порядков и царизма.

Ярким выражением этой трусости и страха армянского либерализма служит статья Назаряна: «Причины французской революции», написанная накануне «реформы».

Совершенно в духе немецкого бюргерства, охваченного ужасом перед французской буржуазной революцией, Назарян осуждал эту революцию, говорил с ненавистью и отвращением о французском материализме XVIII века, отвергал решительнейшим образом республиканские порядки, прославлял монархизм, считая последний, подобно Гегелю, действительностью всеобщей идеи.

Одним из главных причин «всеразрушающего бунта»—французской буржуазной революции—Назарян считал французский материализм XVIII века, поэтому основной свой удар он направлял против материализма. «Во Франции появилась так называемая философия XVIII века, такое дикое действие на умственной арене, что была опасность, что оно разрушит все старые основы, уничтожит всякую веру и все основные правила; зародилась враждебная сила, которая могла лишь разрушать, но была неспособна для того, чтобы строить вновь, возник страшный раз-

¹ С. Назарян. Руководство по религии, Москва, 1853, стр. 107.

² Там же.

³ Там же.

рушительный, но не восстанавливающий и собирающий порядок»¹. Материализм принял такой грозный, зловещий характер, что «сотряслась все политические, умственные и нравственные устои нации, он нанес ущерб корню всего общественного строя, извратив все основные правила и действительность, на которых зиждится вера, перепутал все понятия и пренебрег всеми религиозными чувствами»².

Материализм подорвал веру людей, рассеял «заслуженный страх преступников» и глубокое убеждение в том, что есть «высшее всевидящее правительство... О, Франция! Что это за злодеяние записала история на своих неизгладимых скрижалях, в назидание и предупреждение будущих наций от деяний твоих дерзких сынов»³.

Чтобы не повторить «ошибки» французов, Назарян предлагал в первую голову уничтожить материализм, а затем утопить в крови любую попытку «разъяренной черни» восстать против абсолютизма.

Назарян был решительным противником преобразования общественной жизни революционным путем. В целях наставления и предупреждения наций, французская буржуазная революция изображалась им в виде «вооруженного исполина, голова которого была набита парами туманной философии и отупела, а железная рука сокрушала все, что стояло против его фантастических мечтаний».

В этих фантастических мечтах Назаряну особенно не нравилось то, что «дерзкие сыны» Франции желали разрушить «веру в загробную жизнь» и что «власть царей и князей в глазах этих миропотрясающих людей представлялась старым, отжившим свой век...»

Со всей решительностью Назарян отвергал принцип свободы и равенства, «проповедовавшийся в целях обмана», так как это, губительное учение «не желает принять во внимание естественное неравенство возраста, пола, силы, умственного развития, трудолюбия и обстоятельств; оно может лишь проложить путь к равенству желаний и пороков...»⁴ И проложило. «Вероломство, непокорность и бунтарский дух с каждым днем все больше пробуждались в народе... появился поток идей и мнений, который все более возрастал и усиливался, растекался по всем жилам политического тела и должен постепенно, но непрерывно подкапывать, разрушать основы государства»⁵.

Назарян, объятый ужасом перед революцией, считал революцию неизбежной; французской революции могло и не быть, если бы правительство сумело во время усмотреть «весь ужас и величину злодеяния», содеянного материалистами и «серьезно, строго и всеми средствами преодолеть его».

Для предупреждения революции, по мнению Назаряна, необходимо не только уничтожить материализм, но и приступить к реформам.

¹ «Юсисанайл», 1858, № 4, стр. 278.

² Там же, стр. 282--283.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 284.

⁵ Там же, стр. 285—286.

«Нужны были реформы—коренные, широкие, прочные реформы, и государство должно было непременно взяться и осуществить эти реформы широко и осмелительно, смело и сильно, с выдержанным терпением, если оно не хотело гибели своего королевства»¹.

Однако эти реформы следовало провести с таким расчетом, чтобы монархия была сохранена и нерушимость собственности была гарантирована. «...в то время главное заключалось в том, чтобы установить поддерживающий столп, основы государства—верховную власть короля и сделать законную собственность гарантированным и нерушимым, не останавливая хода необходимых реформ»².

Таким образом, подобно русским либералам, Назарян был сторонником реформ сверху, причем их должен был провести король. «Для ликвидации беспорядков, для приближения государства к его цели, вовсе не нужна была революция. Все преобразования, в которых нуждалась Франция, можно было провести путем, указанным рукою Людовика шестнадцатого»³.

Реформы для предотвращения русской демократической революции, реформы для сохранения царского самодержавия, реформы для сохранения собственности и власти помещиков—такова сущность политической программы назаряновского либерализма.

Из материалов, опубликованных в номерах «Юсисапайла» последующих годов, видно, что Назарян был сильно обеспокоен не только развернувшимися в России революционными движениями, но и влиянием этих движений на армянскую общественную мысль.

В этом отношении весьма характерно предисловие к армянскому переводу «Мессинской невесты» Шиллера, помещенному в первом номере «Юсисапайла» за 1861 год, в качестве передовицы.

В этой передовице Назарян отмечал, что сейчас перед армянами открываются «два пути... один ведет к гибели, другой—к спасению; один—сладкий и дорогой для сонливой толпы, невежественных и ленивых людей, желающих наслаждаться без приложения труда, жать, не посеяв, другой—желательный и искомый для немногочисленных вдумчивых людей...»

На знамени таких «немногочисленных людей», ставших на «желательный» путь, начерчено: «Обновление в свете евангелия, силой науки», а другой путь, украшенный «обманчивыми цветами», ведет к разладу и непокорности.

Вовсе не случайно, что основной темой указанной выше передовицы является то, что сформулировано самим Назаряном в следующих, взятых из Егише, словах: «Единение—мать добра, разлад—породитель зла».

Эти слова Егише были вполне понятны в исторических условиях того периода, когда они были написаны. Но в 1861 году они имели у Назаряна совершенно другое политическое содержание.

¹ «Юсисапайл», 1858, № 7, стр. 24.

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 33.

В те дни, когда Чернышевский и Налбандян призывали взяться за топор, Назарян, ссылаясь на Егише, советовал своим «братьям»: «Дать обет перед богом, забыть ненависть и вражду к братьям, забыть этих лютых змей, отравляющих все благородное, этих гнусных тварей, которые своим отвратительным взглядом окаменяют всякую жизнь и движение среди нации»¹.

Впоследствии А. Ерицян, в серии статей о Назаряне, помещенных в журнале «Порц», касаясь упомянутого «предисловия», спрашивал: «Какая может быть связь между подобным предисловием и «Мессинской невестой» Шиллера?»

Связь была прямая, непосредственная. Эту драму Шиллера Назарян воспринимал как произведение, в котором показаны губительные последствия внутренних раздоров, вражды и распрей как для государства, так и общественной жизни. Вражда между Дон Мануэлем и его братом в драме становится роковым для обоих: оба брата погибают со всем своим родом и престолом.

Назарян был недоволен, что «королева-мать» не сумела стать «посредницей мира между враждовавшими братьями».

Напуганный революционными событиями армянский либерал возложил на себя роль такого «посредника». Призывая армян стать «единой волей, единой душой, единым сердцем», он в то же время решил не допускать ошибки королевы-матери, и вот за мольбой следуют угрозы.

«Но если имеются в армянском обществе такие неисправимые, неуживчивые, вредные для нации люди, с которыми невозможно жить в дружбе, пусть такие как можно раньше, объединенными силами всех благомыслящих, будут вырваны из национального тела и выброшены, как заразительная чума. Терпимость к ним есть враждебность к нации»².

То же самое говорил М. Миансарянц в том же номере «Юсисапайла» в своей статье под заглавием «Размышления о публицистике».

«Одна паршивая овца,—писал он,—все стадо портит; один вредный человек сбивает с пути сотни других. Если мы изгоняем из наших стад и табунов паршивых овец и лошадей, удаляем от нас зараженных коров, собак и пр., то тем более необходимо удалить от нас вредных людей, которые становятся «орудие» разлада и гибели других»³. Определяя задачи публицистики, Миансарянц считал ее основной задачей излечения «язв» общества и с наивной откровенностью утверждал: «Нужно быть или слепым, или круглым невеждой, чтобы не видеть или не знать, что такой полной осмотрительной публицистике, примеров которой много в Англии, наиболее подобает отстаивать церковь, престол, тоску по царству и великий прогресс в Англии»⁴.

Миансарянц приводит в пример также французскую реакционную публицистику: «Полезное влияние публицистики проявляется и в умиро-

¹ „Юсисапайл“, 1861, № 1, стр. 7.

² Там же.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 73.

творении умов, когда они объаты мятежным недоверием, возможно, разрушительным для того или иного порядка вещей»¹.

В исмерах «Юсисапайла» того же года Назарян публикует ряд статей, направленных против зарождавшихся в армянской действительности антицарских настроений, против идей национально-освободительного движения.

В целях «умиротворения» мыслей, объатых «мятежным недоверием», в той же передовице Назарян пишет: «Ложна и неосновательна жалоба некоторых армян на злонамеренность и склонность нашей России (т. е. царского самодержавия—О. М.) к запретам. Неблагонамеренны и враждебны к своей родной нации сами армяне, у которых самолюбия больше, чем патриотизма... Мы, как родной сын армянского народа, как добросовестный христианин, понимая, что нужно дать богу, императору и нашей родной нации, здесь вынуждены сказать, что многие среди нас, армян—ложные патриоты и вздорные, двуличные люди, вину за свою бессердечность и бездеятельность взваливают лишь на неблагомыслие и склонность России к запретам»².

Касаясь того же вопроса в другой своей статье, Назарян отмечает, что царизм создал для армян все необходимые условия. «Сейчас,— пишет он,—армяне, по крайней мере в России, пользуются политическими правами, силой закона они ограждены от несправедливости, могут вести свою торговлю по своему усмотрению, зарабатывать деньги и наживать богатство...»³ Армяне могут «думать о просвещении и прогрессе», ибо «само государство (царизм—О. М.) открыло широкое поприще для всех своих подданных».

Спустя десятки лет, как бы в целях разоблачения лжи этой процарской пропаганды, один из лидеров армянского национально-консервативного течения Т. Симонян писал: «...тогда было запрещено, например, слово **Армения**, вместо Русской Армении требовалось писать Эриванская губерния, как и для Турецкой Армении—Эрзерумский вилайет и т. д. Было запрещено слово **свободный**, нельзя было писать: он **свободно** гуляет по проспекту, нужно было писать: он **беспечно** прогуливается; вместо **свободного** времени следовало писать **досужее** время»⁴.

С процессом формирования армян в буржуазную нацию было тесно связано пробуждение сознания необходимости иметь свое самостоятельное национальное государство. Армяне принадлежали к тем проснувшимся к самостоятельной жизни нациям, которые «...уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!...

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и

¹ «Юсисапайл», 1861, № 1, стр. 72.

² Там же, № 3, стр. 252.

³ «Овив», 1909, № 4.

⁴ Там же.

пр. з Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России»¹.

Но это не значит, что «залопздавшие» примирились с создавшимся положением и отказываются от мысли иметь свое собственное самостоятельное государство.

В 50—60 годах прошлого столетия подобное умонастроение среди армян достигло такой силы, что вызвало серьезное беспокойство в царских правительственных органах. Был сильно встревожен также такой реакционный орган, как «Московские Ведомости» Каткова. Был обеспокоен и армянский либерализм в лице... Назаряна.

В № 6 «Юсисапайла» за 1861 год Назарян опубликовал статью Акопа Серопянца под заглавием «Разговор с армянами, прибывшими из разных мест». В ней развивалась мысль о том, что если армяне «получат корону власти», то они «съедят друг друга». Свою резко отрицательную позицию по отношению к политическому самоопределению армян автор мотивирует следующим образом: «От нынешнего состояния армянской нации до короны власти лежит путь, перерезанный такими широкими и глубокими пропастями, что в данную минуту было бы бесполезно и дерзко возыметь подобную мысль; если бы даже такой некультурной, необразованной, слабой и рассеянной, недружной нации было пожаловано царство (что невозможно), то какой силой они поддержат его? Армянин и в своем доме не может хозяйничать, куда ему управлять царством; уже не будем говорить о том, что царство—это не что иное, как нравственное и умственное величие нации, оно выступает на мировое поприще своими политическими порядками и с оружием в руках завоевывает почет и вес среди наций. Нет, дорогие братья! Благомыслящие армяне в данную минуту и не думают о царстве для армян, а желают лишь некоторого воспитания и образования, немного знания и просвещения, которые смягчили бы дикость армян и придали бы их жизни человеческий и утешительный образ»².

Такую же нигилистическую и оскорбительную для армянского народа мысль проповедывал автор статьи под заглавием «Несколько слов к благомыслящим людям нашей нации».

Еще до появления этой статьи Е. Исаакянц выступил на страницах «Крунк Айоц ашхари» со стихотворением, озаглавленным «*Չիվիտի*», которое подверглось резкой критике со стороны «Мегу Айастанн».

Отвечая журналу «Мегу Айастанн», Е. Исаакянц пишет в «Юсисапайле»: «Мы спрашиваем Сисакянца: что он хочет сказать, заявляя что «сейчас армяне заняты такими идеями, которыми были проникнуты в свое время сторонники французской революции?» Мы с трудом умеряем свое удивление по поводу таких дерзких и бессмысленных слов. Разве у армян существует политика, чтобы изменить революционным путем те или иные политические порядки? Горсточка армян в России, обретших,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 304—305.

² «Юсисапайл», 1861, № 6, стр. 493—494.

благодаря ее политическим порядкам, некоторое подобие и образ человеческий, сегодня хотят совершить революцию в этом царстве (России—О. М.), установить там республику... Сумасшествие, опять сумасшествие, и Сисакянц—буйный сумасшедший, скажем мы!»¹

Отвергая всякую мысль о преобразовании жизни революционным путем и считая сумасшествием какую бы то ни было попытку поднять «национальное знамя», Исаакянц утверждает: «Армянский народ, не являясь еще нацией, ломает голову над трудными вопросами нации и полагает, что, вызубрив поверхностно слова **нация** и **национальность**, и сам уже представляет собой нацию, национальность, имеет почет и вес среди наций и поэтому должен воевать против своего (речь идет о царизме—О. М.) государства...»

Вывод нового сотрудника журнала «Юсисапайл» заключался в том, что армянам нужно «не царство..., а в единении и согласии, рука об руку с просвещенным царством (царизмом—О. М.), двинуться вперед по пути человеческого совершенства».

Подобные суждения на страницах «Юсисапайла», конечно, не были случайны. Авторы статей в «Юсисапайле» выражали взгляды самого редактора журнала Назаряна, который был против национально-политического самоопределения армянского народа. Более того, не только армян, но и грузин и азербайджанцев он считал совершенно неспособными к самостоятельной национально-политической жизни.

В одном из своих писем к Налбандяну, высказываясь против национально-политического самоопределения армян, грузин и азербайджанцев, Назарян писал, что если бы даже этим народам было «пожаловано царство, они сейчас же должны были бы сами отказаться от этого», или если бы они «по глупости приняли, то распрями погубили бы себя»².

Такова была позиция Назаряна по отношению к национально-освободительным движениям и политическому самоопределению армян и вообще закавказских народов.

Оценивая деятельность Назаряна «по достоинству», армянская либеральная историография тщательно скрывала отрицательное отношение своего духовного отца к национально-освободительным движениям и утверждала, что Назарян, якобы, не интересовался этими движениями или попросту относился к ним безразлично.

Нам кажется, приведенные выше факты дают достаточно оснований для вывода о том, что и в этом вопросе Назарян был верным союзником и пособником царского самодержавия.

Таким образом вражда к материализму и социализму, к революции, ярая защита царского самодержавия, собственности помещиков и их власти, вражда к социальному и национальному освобождению армян, грузин и азербайджанцев—вот чем характеризуется истинный облик назаряновского либерализма. И если ко всему этому добавить, что Назарян советовал царским сатрапам со всей строгостью закона наказывать

¹ «Юсисапайл», 1861, № 13, стр. 487—488.

² «Лума», 1904, № 6, стр. 168.

«политического преступника» Налбандяна, то станет совершенно ясным почему армянские либералы и представители клерикально-феодалного течения находили общий язык всегда, когда речь шла о борьбе против преобразования существующих порядков революционным путем и об изоляции армянского народа от революционной борьбы русского народа.

От клерикально-феодалного течения и армянских либералов (Назаряна) значительно отличалась позиция другого литературно-политического противника М. Налбандяна—позиция Р. Патканяна.

Р. Патканяна обычно связывают с национально-консервативным течением. Правда, что между Р. Патканяном и консерваторами много было точек соприкосновения, в частности, в вопросе о религии и церкви, но нельзя в то же время не отметить, что ни один из руководителей консервативного течения (П. Шамшян, М. Агабекян, П. Симонян и др.) так настойчиво не ставил вопрос о необходимости восстановления армянского «трона и короны», как Р. Патканян. Вообще не случайно, что буржуазно-националистическая критика называла Патканяна «олицетворением национального самопознания», «живым протестом против векового гнета и гонений». Не случайно также то, что главное сражение в вопросе национально-освободительного движения армян произошло между Налбандяном и Патканяном.

Для того, чтобы правильно оценить общественно-политический смысл этой борьбы, нужно вспомнить указание В. И. Ленина о том, что «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»¹.

В армянской действительности в 50—60 годах прошлого века мы имеем дело с первой исторической тенденцией в национальном вопросе; речь шла о пробуждении национальной жизни и национальных движений, о назревающей борьбе против национального гнета, о стремлении к формированию в национальное государство.

Отметив, что марксисты признают историческую закономерность национальных движений, В. И. Ленин в той же статье подчеркивал: «Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях,— чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 11.

² Там же, стр. 18.

А прогрессивное в национальных движениях, говорил Ленин, есть «пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»¹. Поэтому Ленин считал безусловной обязанностью марксиста «отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса»; итти дальше этой задачи нельзя, «ибо дальше начинается «позитивная» (положительная) деятельность буржуазии, стремящейся к укреплению национализма»².

Уничтожить всякий феодальный гнет, всякую эксплуатацию наций, всякие привилегии той или иной нации, тому или иному языку—все это Ленин считал безусловной обязанностью пролетариата, как демократической силы. «Но содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами—значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии. Тут есть грань, которая часто бывает очень тонка и о которой совсем забывают бундовские и украинские национал-социалы»³.

Эта именно грань часто упускается из виду при оценке деятельности Р. Патканяча.

Национально-освободительная программа Патканяна выходит за пределы строго ограниченных, исторически определенных рамок, о которых говорит Ленин. Поэтому напрасны усилия тех критиков, которые пытаются представить Патканяна как демократа, «крестьянского демократа» и пр. «Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины». И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство»⁴.

Патканян выступил на арену как один из первых знаменосцев буржуазного национализма, как один из первых литературных идеологов буржуазно-националистического направления в армянском национально-освободительном движении. Краеугольным камнем его национально-освободительной программы была борьба против «чужеземного ига», за восстановление потерянной в свое время независимости армян, или, выражаясь его весьма характерной терминологией—за возвращение «короны и трона». И все эти вопросы он поднял и истолковывал как типичный буржуазный националист и шовинист. Еще в первых своих стихотворениях главный свой удар он направляет против «чужеземного ига», считая гвоздем всех задач национальное освобождение армян. Революционно-демократической программе национального и социального освобождения армян, выдвинутой Налбандяном, Патканян весьма определенно противо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 18.

² Там же, стр. 18.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 306.

поставляет свой буржуазно-националистический путь национального освобождения.

Для Патканяна существовало лишь «внешнее иго», и, несмотря на «кислые слова» его по адресу армянского дворянства и богачей, его «освободительная» программа не имела в виду свержение внутреннего ига.

В своих весьма прославленных песнях о сельчанине и армянине на чужбине Патканян постоянно рисует «две картины» — счастливую жизнь свободного от чужеземного ига армянского крестьянина и тяжелую жизнь того же крестьянина, стонущего под чужеземным игом.

Вот, например, «Вечерняя песня крестьянина» (1851 г.). Армянская крестьянка встречает своего мужа, возвращающегося вечером с поля, такими словами:

«Я испекла тебе хлеба, белого, мягкого ячменного хлеба,
Я приготовила тебе сыра, молока и масла,
Молодую барашку, жаренную на вертеле,
Ягнечка, испеченного на таганке,

Полный кувшин красного вина поставлен,
Помой руки, отдохни, мой дорогой муженек,
Я, ты и наш ангел-хранитель
Покушаем, выпьем и возблагодарим творца!¹»

Другую картину видим мы в колыбельной песне крестьянки-вдовы. Муж ее работал в поле, они были счастливы и довольны своей жизнью. Но однажды в поле, во время работы, труженик-армянин падает под пулей «чужеземца». Захватывают его «ниву», «жирных и тучных» злов, — и вот разрушено счастье и вся жизнь.

Распространяя этот принцип «двух картин» на всю прошлую жизнь армян, во многих своих стихотворениях Патканян развивает мысль о том, что во всех случаях, когда армяне имели «престол и корону», «век был золотой», а «место (Армения—О. М.) — райское».

Вот, например, стихотворение «Цахкадзор» («Долина цветов»):

«Окруженная горами улыбающаяся долина,
Полная зелени, ароматных цветов,
С разбросанными по ней мирными избами.
Плодоносящие леса, плодородные нивы...

И народ там веками жил весело,
Счастливо, в полном здравии,
Со дня рождения и до могилы
Жил он как сын природы.

Не было у него ни желаний, ни обетов,
Не знал он никогда несчастья,

.....
Это век был золотой, а место — райское...²»

¹ Р. Патканян, Избранные сочинения, С. Петербург, 1893, т. 1, стр. 10.

² Р. Патканян, Соч., 1904, т. III, стр. 21.

Но вот чужеземец разрушил все и «лишь развалившиеся храмы напоминают век наших предков».

По принципу «двух картин» написано также стихотворение «Слезы Аракса» (1856), которое является одним из программных произведений Патканяна 50-х годов.

Лейтмотивом стихотворения «Слезы Аракса» служат идея суверенитета и протест против национального гнета—чужеземного ига. Однако к горьким слезам Аракса, проливаемым по поводу потери бывшей независимости, примешана желчь ненависти и вражды к другим народам, которая становится одной из отличительных черт патканяновской поэзии. Характерно, что и здесь «старые века» представляются как «золотой век», как «рай», а с того периода, когда армяне потеряли свою независимость, начинается «ад». Такая романтическая идеализация «старых веков» необходима поэту для возбуждения вражды против «ненавистного чужеземца». И Патканян не скупится на резкие эпитеты для разжигания «патристизма» армян, путем воздействия на них ядом национализма и шовинизма.

Другим программным произведением, против которого выступил Налбандян, является поэма «Смерть храброго Вартана Мамиконяна» (1861 г.). Метод здесь тот же—«две картины».

Вот романтическая идиллия, напоминающая «Вечернюю песню крестьянки»:

«Неутомимый труженик, лежа на земле,
Просил прохлады утомленному телу;
Волы и осел тоже утомленные
Разлеглись на мирном поле.

Страна моя армянская, место радости,
Природа Армении, ах, дети армянские,
Села, деревни, поля и нивы,
Горда многолюдные, здания, монастыри!
Где вы, где вы сейчас, почему вы исчезли,
Кто разрушил вас, чья дикая рука?»

Патканян не жалеет красок для идеализации армянской церкви, религии, армянских царей. Здесь уже ясно видно, что подразумевал Патканян под национальной независимостью. Это—прежде всего восстановление армянской «короны и трона», расцвет «святой религии», армянской церкви. Вовсе не случайно, что за год до опубликования этого произведения на страницах «Юсисапайла» Патканян осуждал, точь-в-точь в духе Назаряна, французскую буржуазную революцию и прославлял французскую монархию, церковь. Он строго порицал французское дворянство, которое не выполнило своего долга перед «родиной», между тем как его «священная обязанность» состояла в уважении к «монархическим порядкам и в их защите». И что мог сделать «новоизбранный король», несмотря на то, что «сердце его горело любовью к родине?» У него

были благородные намерения, святая душа, искреннее и чистое благочестие, но совершилось страшное. Однако «к чему рассказывать о бешеном урагане, который до основания разрушил французское королевство, дворянский класс, политические порядки и церковь?»¹ Единственное утешение в этом «бешеном урагане» заключалось в том, что «Наконец наступил 9-ое Термидора, Робеспьер пал перед беспристрастным судом бога»².

Налбандян великолепно знал, что он имеет дело с писателем, который страшится, подобно другим противникам, революции, гибели «короны и трона», страшится разгрома дворянства, расшатывания основ «святой церкви». Если люди, считающие Патканяна «крестьянским демократом», восхищаются его «острыми» выражениями по адресу армян-богачей, дворянства, то Налбандян великолепно знал, что все это—лишь пустые слова, так как этот его противник также стоял на позициях «единства нации», дружеского сотрудничества всех слоев «нации». Патканян критиковал армянскую буржуазию и дворянство не потому, что стремился, подобно Налбандяну, к ликвидации этих классов, а только и только потому, что добивался их активного участия всеми их материальными средствами в деле восстановления «армянской короны и трона».

«Эх вы, армяне, армяне!
Если бы половину вашего золота
Пожертвовать в пользу армянской нации,
Навсегда прекратились бы плач и стенания,
В рай земной превратилась бы Армения».

Вот весь гвоздь «критики» армянских богачей Патканяном.

Ни в одном из своих произведений Патканян так не ругал армянское дворянство, как в незаконченной исторической драме «Взятие Ани». Один из положительных героев драмы Ваган, взявший на себя дело восстановления «короны и трона Армении», обращается к армянским дворянам с такими словами: «Если бы вы не оказались нестойкими, легковерными, коварными нахарарами-предателями нации, если бы вы не продали свою нацию, а честно исполнили бы свой священный долг, то, поверьте, наш враг с самого же начала и до сегодняшнего дня бежал бы на тысячу фарсахов дальше от границ нашей страны и никогда он не подумал бы о нашествии на Армению»³.

И так как эти слова произносятся не с целью разгромить дворянство, а для того, чтобы покончить с «изменой, предательством и вероломством», то Вагана дополняет другой положительный герой—Ластиверци. «Сведущие люди знают,—говорит он,—что пока иноземные властелины не вмешивались в наши национальные дела, наш армянин, как говорят у нас, варясь в своем соку, был счастливее... Армянский князь, как бы ни был малоумным, невежественным и плохим, все же был безвреднее, чем

¹ „Юсисапайл“, июль 1860 г., стр. 35.

² Там же, стр. 41.

³ „Лума“, сентябрь 1901 г., стр. 56.

чужой. Вы слышали народную поговорку: «Шкура не черного соболя, да своя». Армянский князь смотрит на крестьянина как отец на своего сына, а чужой хозяин—как на податного слугу»¹. Затем Ластиверци призывает покончить «с самым заклятым» из всех врагов армянской нации—с «раздорами, ставшими притчей во языцах»²...

После всего вышеприведенного не трудно понять, почему Патканян в изображенной им «независимой Армении от моря до моря» сохранял дворянское сословие, наследственные титулы и «крупные земельные поместья». Правда, согласно его «Трактату о свободе» такие крупные земельные поместья и наследственные титулы должны получить те, кто будет бороться за независимость Армении. Но это не меняет положения. Как бы Патканян не заверял, что будущая Армения будет принадлежать всем армянам, боровшимся за нее, тем не менее он не представлял себе «независимой Армении» без дворянства, титулов, без наследственного права собственности. Не меньшее место в будущей Армении он отводил также духовенству и церкви.

Считая язык и религию существенными признаками национальности, Патканян указывал, что необходимо во что бы то ни стало сохранить эти «два священных национальных завета»³. Нужно сохранить, так как надежной опорой армянской государственности всегда являлись армянская церковь и духовенство. «Нужно ли повторять,—говорит он,—когда у нас, у армян, была политическая жизнь, кто давал нашим царям спасительные наставления и советы, приносившие счастье народу, если не духовные? Может быть наша горемычная нация достигла бы лучшей участи, если бы наши светские мужи, нахарары, князья, вельможи того времени вняли наставлениям, мольбам и увещаниям одного духовного лица—святого Саака Партева. Но тогдашние князья нации пренебрегли всеми советами своего духовного пастыря, предали своего родного царя и с того дня они стали слугой, рабом у иноземца и превратили в раба свой народ»⁴.

Если Налбандян считал Эчмиадзин цитаделью феодально-помещичьих порядков, то Патканян писал: «Но знаем ли мы, где теперь спасение нашей нации, т. е. религии и языка? Спасение в Армянской церкви, под покровительством Эчмиадзина... Деятнадцатый век раскрыл свою пасть дракона, чтобы безжалостно проглотить нас, армян... Армянская религия, армянский язык—вот наш девиз. Без армянского языка нет у нас национальности, без армянской церкви нет нравственности»⁵.

Интересно проследить, как Патканян, восстав против угрозы национального обезличения и катясь головой вниз в болото национализма,

¹ „Луи“. сентябрь 1901 г., стр. 61.

² Там же, стр. 53.

³ См. статью Патканяна „Путевые впечатления“, журн. „Порц“, 1879, № 1, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 162.

⁵ Там же, 168.

становится на позиции ограждения одной нации от другой, требует свято сохранить все национальные реакционные традиции, что было осмеяно Налбандяном как «отвлеченный национализм», «сухой национализм», «фанатизм».

Вот один из образцов патканяновского «фанатизма»: «Условия жизни армян в девятнадцатом веке сложились так, что там, где нет действительного просвещения, его место сейчас же, немедленно занимает ложная внешняя цивилизация, которая своими клубами, балами, модами, европейским образом жизни, воспитанием детей при помощи легкомысленных: иностранных учительниц-недоучек, маскарадами, идеями гражданского брака и безбрачного сожителства и проч. и проч. разрушает быт армян и делает их безразличными, равнодушными по отношению к тем национальным особенностям, которые всегда существовали и будут существовать у всех нравственных наций»¹. Патканян призывал к крестовому походу против всего, что разрушает «образ жизни армян» и священные «национальные особенности». «Богач и бедняк,—говорит он,—католикос и последний сторож церкви, отец и мать, преподаватель университета и учитель приходской школы, коммерсант-миллионер и неимущий лавочник, высокопоставленный чиновник и бедняга ремесленник—мы все, все, все объединим наши силы, откроем свои глаза, образумимся и, вооружившись всеми оружиями, пойдем на этого врага, губящего нацию, будем день и ночь без усталости воевать с ним»².

Выдвигая буржуазно-националистический лозунг консервации всех особенностей армян, Патканян, подобно всем буржуазным националистам, в конечном счете обеими ногами становится на позиции зоологического шовинизма. «Я спрашиваю,—пишет он,—какими же это национальными достоинствами обладают чужие нации, что армянин должен отречься от своей национальности и признать их? Религиозной свободой ли могут похвастаться инородцы перед нами, или чистотой семейной жизни, или легкостью языка, или богатым историческим наследством, или успешным развитием мозга и нервов, чем, чем? У нас—свободная церковь, наше духовенство отличается терпимостью, очаг у нас свят, мозг у наших армян развит и зрел, армянский язык гибок, богат и легок»³.

Некоторые литературоведы и историки за последнее время пытаются доказать, что Патканян, якобы, выражая свободолюбивые чаяния и стремления армянского народа, дал лишь некоторую дань национализму. Однако ни в одном произведении поэтов того периода так явно и определенно не выражен буржуазный национализм со всеми его существенными особенностями, как в поэзии Патканяна. Буржуазный национализм, с его дикой пропагандой недоверия и ненависти к другим народам, представлял основную черту патканяновской поэзии, причем такой именно национализм горячо поддерживали также Г. Арцруни, Хримян, Х. Микаелян и все их преемники-шовинисты.

¹ См. статью Патканяна «Путевые впечатления», журн. «Порц», 1879, № 1, стр. 158–159.

² Там же, стр. 159.

³ Журн. «Порц», 1879, № 10, стр. 95.

С другой стороны, осуществление своей «национально-освободительной программы» Патканян связывал в конечном счете с помощью со стороны европейских государств, и нет ничего более нелепого, чем утверждение о том, что Патканян, якобы, «в ряде своих произведений выступил как поэт, разоблачивший политику европейских империалистических стран»¹.

Здесь речь идет о стихотворениях «Протест против Европы», «Глас вопиющего в пустыне», «Конгресс» и некоторых других. Основное настроение этих стихотворений можно выразить в следующих словах другого «западника», Отяна: «Мы должны опираться на сочувствие и поддержку европейских государств, если не всех, то по крайней мере части их...»²

Так думал и Патканян. Он был глубоко убежден, что только европейские государства и могут вернуть армянам потерянные «трон и корону».

Даже в годы Сан-Стефанского договора и Берлинского конгресса Патканян продолжал придерживаться того мнения, что Европа могла бы сделать это, но она «оказалась неблагодарной».

«Горе нашей души, наш плач и стенания,
Горькие слезы наших детей,
Никто не узрел, никто о нас не скорбел,
Европа просвещенная осталась слепой и глухой».

Или:

«Трудно ли было для Европы
Удовлетворить нас в нашей скромной потребности:
Вывести нас из скотского состояния,
Поставить в ряду людей, носящих облик бога?»

Так мог написать только человек, глубоко убежденный в том, что «Европа и является» единственной силой, которая может вывести армян из «скотского состояния».

В этот период Налбандян был единственным деятелем, который восстал против преклонения армянской буржуазии перед Европой, разоблачил реакционно-предательскую сущность политики армянской буржуазии, ориентировавшейся на европейские буржуазные круги, и показал единственно правильный в то время путь национального и социального освобождения армянского народа.

Для понимания смысла острой борьбы между Налбандяном и Патканяном весьма важно выяснить также вопрос о том, как представлял себе Патканян взлелеянную им мечту об Армении «от моря до моря».

Одним из важных предпосылок для обеспечения восстановленных «трона и короны» Патканян считал создание «позитивного закона Арме-

¹ История армянской литературы, книга вторая, 1941, изд. Айпетрата, стр. 55.

² Журнал „Мурч“, 1907, № 7.

нии». Этому вопросу и посвящено одно из главных мест в исторической драме «Взятие Ани».

«Погляди на барана,—писал Патканян,—он не ест мяса, которое противно его природе; он признает закон. А собака не пьет вина—она также подчиняется какому-то закону... Взгляни на небо: каждый день солнце в установленные часы восходит и заходит. Четыре раза в месяц луна меняет свой лик. С наступлением весны птицы стаями перелетают на север, а к осени в том же порядке возвращаются на юг. Все они подчиняются и покоряются какому-то таинственному закону. Персиянин, сириец, агарянин (араб) признают закон, признают господина, до конца своей жизни покоряются своему царю... Одни лишь наши армяне не признают ничего, кроме своего ума и своей воли... Если бы каждый армянин сознавал свою обязанность, исполнял бы свой долг, то сегодня наша страна не только не была бы растоптана чужеземцем, но и давно распространили бы армяне свою власть от моря до моря...¹»

По утверждению Патканяна в той же драме, отсутствие подобного закона является причиной того, что армяне легко подчинялись чужим царям и князьям, а своим «родным царям не покорялись».

Согласно программе Вагана, главная задача Гагика по вступлении его на престол должна состоять в «установлении законов в соответствии с нравами и характером нашей нации и внедрении в душу каждого армянина чувства святости этого закона...» Гагик должен предложить «постоянно читать этот закон в церквах во всеуслышание и назидание армянскому народу, наряду с евангельским словом... Я знаю, я убежден, что лишь распространение национальных законов среди нашей нации может спасти нас от бесконечных наших бедствий...»

Если иметь в виду, что действительной сущностью этого «национального закона» должно быть обязательное и безусловное подчинение всех армян своим царям, то станет ясным лицо проповедуемой Патканяном будущей «Младой Армении», тем более, что вопрос о положительных «написанных законах» является одной из важных тем его труда под заглавием «Трактат о свободе Армении».

Дворянство, наследственные титулы и крупнейшее землевладение, католики и духовенство, церковь и религия, армянский царь с его «национальными законами» об обязательном подчинении им, армянский язык и армянский «образ жизни», «священные армянские особенности»—вот та Армения «от моря до моря», за которую Патканян призывал армянского крестьянина проливать свою кровь. Это, конечно, не значит, что он желал восстановить армянское царство в том виде, в каком оно существовало, скажем, при Аршакидах. Среди указанных выше персонажей «Младой Армении» можно встретить и «коммерсанта-миллионера», и «несиучего лавочника», и «учителя приходской школы», и «преподавателя университета», и крестьянина, и «беднягу ремесленника», и «должностных» лиц и т. д. Этот «рай», изображенный Патканяном, скорее на-

¹ „Лума“, сентябрь 1901 г. Везде подчеркнуто нами—О. М.

поминает царскую крепостническую Россию 50—60 годов, которой была вполне довольна армянская буржуазия. Сам Патканян, хотя и переходил иногда на сторону противостоящих царю сил, но никогда не упустил случая, чтобы сделать реверансы царизму.

Патканян, призывавший армян к «национально-освободительной» борьбе, занял весьма отрицательную позицию по отношению к польскому освободительному движению. Его «Юсис», защищая позицию царского самодержавия, призывал армян к «верности», утверждая, что «армяне вообще народ миролюбивый, они избегают драки, шума и под эгидой России (читай царя—О. М.) вели и сейчас ведут очень спокойную и мирную жизнь»¹. Патканян уверял, что подавление польского национально-освободительного движения желательно также для армян, и за это следует поблагодарить «его величество»—царя.

Теперь вполне понятно, почему Патканян с такой ненавистью и ужасом говорил о французской буржуазной революции. Проповедуемое им «национально освободительное движение» отвергает всякое коренное изменение в существовавших феодально-крепостнических порядках; он был противником демократически-освободительного движения, т. е. того направления освободительного движения, которое отстаивал Налбандян.

Только в этом свете можно понять смысл борьбы, развернувшейся между Налбандяном и Патканяном. В этой борьбе сталкивались две тенденции, два направления в армянском освободительном движении. Возглавлявшееся Налбандяном демократическое направление связывало национальный вопрос с разрешением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением феодально-крепостнических порядков, свержением царского самодержавия, следовательно, с революционной борьбой и победой русского народа. Помимо этого, как увидим дальше, национальный вопрос у Налбандяна выступал не как «главная проблема», вопрос всех вопросов, как это мы видим у Патканяна, а тесно связывался с разрешением аграрного вопроса, как части главного вопроса—социального освобождения армянского народа.

Касаюсь борьбы между Налбандяном и Патканяном, армянская либеральная историография обычно выдвигала вопрос о различии в их характере. Правда, и в характере они сильно отличались друг от друга. Это хорошо заметил Г. Агаян. «Талант Налбандянца, его умственное развитие, богатство языка,—говорит он,—стояли несравненно выше, чем у Р. Патканяна, а характером Налбандянец был весьма прямолинейным, как прямо поднимающийся вверх тополь, тогда как Патканян был распростертым по земле волчцом, мимо которого нельзя было пройти безнаказанно»².

Однако подлинная причина антагонизма между Налбандяном и Патканяном заключалась, конечно, в том, что они представляли две противоположные тенденции, два направления в армянском национально-

¹ «Юсис», 1864, № 23.

² Г. А г а я н, Важнейшие события в моей жизни, стр. 77.

освободительном движении—демократическое и буржуазно-националистическое. Налбандян критиковал и отверг начерченную Патканяном буржуазно-националистическую программу национального освобождения армян не только в пародиях, направленных против стихотворений «Песнь Вартана» и «Забудем, братья, Айка и Левона», но и в своем «Земледелии».

Против кого направлены приведенные ниже строки из «Земледелия», если не против Патканяна и всех его националистических единомышленников:

«Нация не прочна, она фикция, она погибнет,—если ее основной смысл не экономической вопрос. Экономика—единственная прочная сила, которая, действуя внутри нации, поддерживает ее равновесие против внешних сил. Она та сила, которой живет нация... ты говоришь мне: сохраним свою национальность, свой язык, свои предания и пр. и пр. Великолечно, отвечаю я, но скажи мне, пожалуйста, для чего их сохранять, в чем польза такого сохранения и ущерб их утраты? Отвлеченная идея национальности, проповедуемая до сих пор в некоторой мере среди армян, не может ответить на это... Сухая проповедь национальности, без разъяснения причины твоей проповеди, не что иное, как фанатизм...¹»

Имея в виду реверансы Патканяна перед царским самодержавием, Налбандян пишет в своем стихотворении «Запомним»:

«Желание свободы на устах
Видим мы у некоторых, да,
Но кто они? Не слуги ли, поклявшиеся
Остаться вечно верными чужому игу?»

Если это стихотворение действительно написано в 1862 г. в Петропавловской крепости, как полагают комментаторы сочинений Налбандяна, то нельзя не вспомнить, чем был занят Патканян в эти дни. Он, как мы видели, не только осуждал польское освободительное движение и одобрил «усмирительные мероприятия» палачей Александра второго, но и собирался представить свою работу под заглавием «История Петра Великого», по его словам, «царской фамилии, получить денежное вознаграждение и подарок»².

И подарок был получен: ему пожаловали золотые часы с надписью: «От е. и. в. государя наследника цесаревича 1863 г.».

Трудно сказать, дошел ли до Налбандяна слух об этом событии³, но сейчас в Ереванском литературном музее можно было бы экспонировать рядом два «подарка», согласно любимому Патканяном сопоставлению

¹ М. Налбандян, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 91.

² Журнал „Мурч“, 1895, № 1—2.

³ Налбандяну было известно, что Патканян в эти дни собирался издавать собственную газету. Об этом в одном из своих писем к брату Налбандян пишет: „Помнишь ли, ты мне говорил, что Р. Патканян хочет издавать какую-то газету? Как она называется и как встретило ее общество? Очень жалею, что... поприще осталось за такими литературными пигмеями“ (Сочинения, т. IV, стр. 151).

«двух картин»: сенатские дела, связанные с арестом, допросом и ссылкой Налбандяна, и золотые часы, полученные «национальным поэтом» от «государя наследника цесаревича»...

В приведенном выше стихотворении Налбандян характеризует «освободительную» программу Патканяна следующим образом:

«Разобьет цепи... поедет в Армению!»
 Ха, ха, ха! Этого только недоставало,
 Чтоб стать ревностным поборником армянства,
 А потом что?

Скажет: «Я явился, мать моя родная,
 Прими в свои объятия сына горемычного,
 Облобызаю я подол твой непорочный...»
 И дальше—целый поток причитаний».

Бахвальство Патканяна доходит до того, что в своем стихотворении «Если б седые волосы мои почернели...» (1863 г.) он говорит:

«Если бы я был князем страны,
 Дал бы войскам строгий приказ:
 Спешно двинуться в Армению,
 Помочь бедному армянскому народу.
 Я пролил бы в Европе, Азии
 Реки и потоки крови,
 Пока короны, трона, свободы религии
 Не получила бы бедная Армения»¹.

Высмеивая такое донкихотское высокомерие, Налбандян писал:

«С юга, с севера пыль столбом летит...
 Звенят оружия... померкло солнце,
 Казак показался на холме,
 Наш патриот полез в дыру.
 «Что? Армения?—Ну ее с Арменией»—
 Говорит наш патриот осторожный.
 Куда же ты гнался до их прихода,
 С лопатой и ружьем?..

Все это я делаю языком,
 Ура Месропу святому, кто дал нам письма.
 Я управляю странами издали, на словах,
 Когда же такой, как я, брал в руки ружье?»²

Говорят, что Налбандян не верил в искренность Патканяна, или считал его «ненадежным соратником».

Во-первых, как известно, и Дон-Кихот был человеком весьма искрен-

¹ Р. Патканян, Избранные произведения, т. I, стр. 127.

² М. Налбандян, Сочинения, т. I, стр. 110.

ным, но это ему не помешало стать основоположником донкихотства. Патканяну не трудно было набросать свою «освободительную» программу месроповскими буквами на бумагу; как говорят, бумага все терпит. Что же касается вопроса о «ненадежности» «соратника», то нужно обладать донкихотской фантазией для таких нелепых утверждений. Налбандян не мог рассматривать Патканяна под углом зрения его «надежности» или «ненадежности» как «соратника» по той простой причине, что он отвергал буржуазно-националистическую «освободительную» программу «национального поэта», со всеми ее отделами, разделами и пунктами.

И не доверял он не только Патканяну. Он не верил «патриотическим» брехвальствам всей армянской либеральной и националистической буржуазии вообще. В своем романе «Вызыватель духов» он дал исчерпывающую характеристику армянской буржуазии:

«Патриот? Откуда, с какой стати? Почему вам не называться брюхоборами, сребролюбцами? Вы же за две копейки готовы продать не только почетное имя патриота, но и всю свою нацию и даже вырыть из могилы кости своих отцов».

Вся дальнейшая деятельность армянской буржуазии и ее контрреволюционных партий вплоть до наших дней показала, что Налбандян был в тысячу раз прав.